

КАМИЛА НЕВИТАН

РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ.

ТЫ ЗАПЕР МЕНЯ В ПОДВАЛЕ
РАДИ ЛЮБОВНИЦЫ!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты запер
меня в подвале ради любовницы!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты запер меня в подвале ради любовницы! /
К. Левитан — «Автор», 2026

После развода я вернулась в наш бывший дом за своими чертежами. И услышала наверху смех мужа и его любовницы. А через минуту дверь подвала захлопнулась за моей спиной. Сергей заманил меня в ловушку. Он обвинил меня в краже, опубликовал поддельное видео и убедил всех, что я сошла с ума. Я потеряла дом, работу, друзей. Он даже пригрозил убить моего любимого пса. Но предатель не знал одного. В подвале я обнаружила следы финансовой аферы. Миллионы, фиктивные договоры, поддельные подписи. Теперь у меня есть доказательства. И мужчина, который поможет превратить их в обвинительный приговор. Сергей хотел оставить меня ни с чем. Получится наоборот.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты запер меня в подвале ради любовницы!

Глава 1

Восемь лет. Восемь лет я считала шаги до кухни, помнила скрип третьей ступени на лестнице и то, как пахнет этот дом по утрам: свежемолотым кофе и дорогим деревом. Но сейчас тишина была не уютной. Она давила на уши, как ватные тампоны перед экзаменом по физике. Я стояла в прихожей нашего бывшего общего дома, сжимая в руке ключ от дома, который всё ещё работал, хотя сам дом по соглашению уже принадлежал Сергею. Развод оформлен. Имущество разделено. Осталась только одна мелочь — чертежи проекта, за который я получила гонорар, но которые остались на рабочем столе в кабинете наверху.

Моя цель была проста: забрать бумагу, уйти, не встретившись с Сергеем. Сохранить лицо. Не дать ему ни одного дополнительного ракурса для его любимой игры «обиженный муж». Я сделала шаг внутрь, и холодок пробежал по спине. Дверь в подвал, ведущая к винному хранилищу и кладовке старых вещей, была приоткрыта. Всего на пару сантиметров. Щель чернела, как зрачок хищника. Ключ от подвала был только у меня и у Сергея. Никто другой не мог открыть её без шума или взлома. «Он просто забыл закрыть», — подсказал разум. Тело проигнорировало логику. Оно хотело развернуться и бежать обратно к машине, к асфальту, к безопасной нейтральной территории города.

Но я переступила порог гостиной. И воздух ударил в нос.

Не привычный аромат лавандового кондиционера, который я выбирала сама. А сладкий, тяжелый, приторный шлейф Chanel No 5. Этот запах я ненавидела всей душой. Он ассоциировался у меня с чужими руками, с дешевыми попытками казаться богаче, чем есть. Я никогда не покупала его себе. Сергей знал об этом лучше всех. Знал, что это мой триггер. И вот он здесь, витает в воздухе, плотный, как туман. Тошнота подкатила к горлу мгновенно, превращая ноги в вату. Это было предательство, осязаемое, химическое. Дом перестал быть моим. Он стал местом преступления.

Где-то на втором этаже раздался звук. Тяжелые, уверенные шаги мужчины. Мужские. Они двигались неторопливо, прогулочным шагом человека, который чувствует себя хозяином положения. А затем к ним примешался другой звук. Лёгкий, почти невесомый стук каблучков. Женский. Резвый, нервный, но четкий. Кто-то ходил по полу рядом с ним. Рядом. В нашем доме. Пока я стояла внизу, парализованная запахом измены, они были над моей головой.

Инстинкт выживания включился быстрее, чем стыд. Я не могла позволить им увидеть меня такой — бледной, дрожащей, пойманной в ловушку собственных чувств. Мне нужно было исчезнуть. Кабинет наверху был недоступен. Короткий путь, на котором меня не было видно со второго этажа, вёл через заднюю дверь из коридора, проходившего мимо лестницы в подвал. Там же, в кладовой подвала, хранились архивы моих первых проектов и бумажная копия нужного комплекта. Оригиналы наверху могли подождать. Если я смогу проскользнуть вниз, минуя их зону видимости, я возьму документы и выйду через служебную дверь, которая выходила во двор. План был рискованным, но единственным способом сохранить достоинство.

Я скользнула в коридор, ведущий к лестнице. Пол здесь был деревянным, и каждый мой шаг отдавался глухим эхом. Страх сменялся азартом загнанной мыши. Я видела тени на стене напротив — две фигуры, сливающиеся в одну. Их смех долетал до меня обрывками слов, но интонация была понятна: веселая, легкая, победоносная. Они праздновали.

Лестница в подвал ухнула подо мной. Свет телефона выхватывал из мрака лишь фрагменты хаоса: стопки коробок, старые книги, пыль, танцующая в луче. Я быстро шла вдоль стены, ища нужный шкафчик с чертежами. Воздух здесь был затхлым, пахло плесенью и старым вином. Мои пальцы скользили по холодному кирпичу, пока не наткнулись на гладкую поверхность. Я подняла телефон выше, чтобы прочитать этикетку на коробке.

И замерла.

На стене, прямо над старой бочкой, кто-то написал красной эмалевой краской. Буквы были крупными, неровными, но пугающе аккуратными. Дата нашей свадьбы. День моего рождения. И одно слово, написанное так, будто оно должно было впитаться мне в глаза: «Свободен».

Это не было граффити вандалов. Это было послание. Адресованное лично мне. Краска блестела. Я потрогала край надписи кончиком пальца. Красный след остался на коже. Не успела высохнуть. Это сделано сегодня. Прямо сейчас. Пока они смеялись наверху, кто-то спускался сюда и оставлял метки на моей территории. Ловушка захлопнулась не потому, что я пришла, а потому, что меня ждали.

Резкий скрип петель заставил меня обернуться. Дверь, через которую я спустилась, начала медленно, с противным визгом, закрываться. Нет, не закрываться. Захлопываться. С силой, которая могла сломать замок. Темнота сомкнулась надо мной полностью, когда экран телефона погас: отшатнувшись к стене, я задела боковую кнопку.

Тишина стала оглушающей. А потом я услышала их голоса. Не сверху, а прямо за дверью. Смех Ольги — тонкий, истеричный. И голос Сергея, низкий, бархатный, наполненный удовлетворением:

— Мышка загнала себя в угол. Как всегда, Марин. Тебе нравится играть в детектива?

Я рванулась к двери, колотя кулаками по металлической поверхности. Крик вырвался из горла сам собой, дикий, животный:

— Откройте! Это незаконное удержание! Вы меня слышите?!

Гул старого дома поглощал мой голос, как вода поглощает камень. Страх, холодный и липкий, начал трансформироваться во что-то другое. Ярость. Жгучая, кислотная ярость, которая растворяла остатки самоуважения. Я не жертва. Я архитектор. Я знаю, где здесь несущие стены, а где декорации.

Вдруг щелкнул замок. Дверь распахнулась, ударившись о стену. Яркий аварийный свет, расположенный на потолке подвала, вспыхнул, ослепляя после темноты. Я зажмурилась, чувствуя, как ресницы склеиваются от слез и пыли. Когда я открыла глаза, передо мной стояли они.

Сергей выглядел безупречно. Его костюм сидел идеально, даже в этом подземном аду. Он держал Ольгу за талию, словно демонстрируя трофей. Ольга, молодая, с большими испуганными глазами, прижималась к нему, делая вид, что защищается. Но её взгляд метался между мной и планшетом, который она держала в руках.

— Марина? — Сергей изобразил удивление, но губы его растянулись в усмешке. — Что ты здесь делаешь?

Ольга шагнула вперед, поднимая планшет. На экране были фотографии. Мои фото. Я в этом самом подвале, год назад, когда мы вместе разбирали вещи после ремонта. Я, склонившаяся над чертежами. Я, открывающая сейф. Но ракурсы были подобраны так, что создавалась иллюзия кражи. Фальшивая реальность «стабильного психического расстройства» и воровства.

— Она снова взяла документы конкурента, Серёж, — прошептала Ольга, и её голос дрожал не от страха, а от возбуждения актрисы, играющей главную роль. — Посмотри, она рылась в шкафу. Я видела.

Мои руки дрожали. Я пыталась сохранить хладнокровие профессионала, анализируя композицию сцены, свет, положение тел. Но тело предавало меня. Колени подкашивались. Я

понимала масштаб подставы. Это был спектакль, отрепетированный заранее. Они использовали мою привычку контролировать пространство против меня самой.

Сергей сделал шаг ближе. Его тень упала на меня, длинная и подавляющая. Он достал из кармана пиджака телефон и показал мне запись с камер наблюдения. На видео было видно, как я вхожу в дом со своим ключом. Камера показывала только вход. Ни выхода. Ни того, кто был внутри до меня. Искусственно вырезанная правда.

— Ты вторглась в мой дом, Марин, — сказал Сергей тихо, но каждое слово резало воздух. — Ты пыталась украсть интеллектуальную собственность, которая принадлежит мне по договору раздела. У тебя есть выбор. Или ты вызываешь полицию и оформляешь протокол о домашнем насилии с твоей стороны, потому что ты вломилась сюда, или...

Он замолчал, давая паузе набрать вес. Ольга нервно теребила край своей дорогой юбки, выдавая волнение, которое маскировала под сочувствие.

— ...или ты признаешь свою ошибку. Сейчас. Здесь. Без свидетелей.

Я смотрела на него. На этого человека, которого любила восемь лет. Теперь я видела пустоту за его красивым фасадом. Нарцисс. Хищник. Он ждал, пока я сломаюсь. Но я вспомнила запах Chanel. Вспомнила надпись «Свободен». И почувствовала, как внутри меня что-то щёлкает, как предохранитель.

Сергей улыбнулся, глядя на мою бледность. Его глаза блестели от торжества. Он наклонился к моему лицу, так близко, что я чувствовала его дыхание, смешанное с сигаретами и дорогим одеколоном.

— Ты ведь знаешь код от сейфа, Марин, — произнес он фразу, от которой кровь стынет в жилах. — Новый. Который ты поставила в день развода. Открой его. И я не буду вызывать полицию прямо сейчас.

Его голос был мягким, почти ласковым. Но в этой ласке была сталь. Он хотел не денег. Он хотел доступа. К тому, что я спрятала от него. К папкам, которые я случайно нашла полгода назад и убрала в сейф вместе со своими архивами. Тогда я не разобралась в счетах, но уничтожить их ему не дала. Подвал был не ловушкой для меня. Он был ловушкой для них. Но они думали, что я их жертва.

Я выпрямила спину. Холодок по спине сменился жаром в груди. Я посмотрела на камеру в углу, которая, возможно, еще работала. Потом на Ольгу, которая не сводила глаз с планшета. И на Сергея, ждущего кода.

— Код, — повторила я вслух, проверяя слова на прочность.

Сергей кивнул, ожидая капитуляции.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как впервые за много месяцев мои руки перестали дрожать. — Но сначала расскажи, почему на стене написано «Свободен»? Это ты писал? Или Ольга?

Лицо Сергея на мгновение исказилось. Маска треснула. Я увидела в его глазах не уверенность хозяина, а страх загнанного зверя, который понял, что клетка открыта не для него, а для его жертвы.

Глава 2

Сергей отступил на лестницу. Ольга осталась возле шкафа, а он выключил свет и захлопнул дверь. Она хлопнула с таким звуком, будто кто-то выстрелил мне в затылок. Не просто закрылась — защёлкнулась снаружи. Я дёрнула ручку, пальцы соскользнули с холодного металла, натертого до блеска чужими руками. Металл не поддался. Задвижка. Тяжёлая, старая, которую мы меняли ещё при покупке дома, чтобы «защититься от непрошенных гостей». Ирония была такой густой, что её можно было намазать на хлеб маслом и съесть, запивая слезами.

Я стояла в абсолютной темноте подвала. Воздух здесь пах плесенью, пылью и чем-то сладковатым, приторным — запахом духов Ольги. Она всегда любила эти ароматы: жасмин и ваниль, дешёвая имитация роскоши, которую Сергей считал изысканной. Теперь этот запах оседал у меня в горле комком тошноты.

— Открой! — крикнула я, но голос сорвался на хрип.

Тишина ответила гулом старой вентиляции. Я зажгла фонарик на телефоне. Луч света выхватил из мрака стеллажи, заваленные коробками с моими чертежами, которые я забыла забрать после развода. А потом — стену напротив входа. Красной краской были выведены дата нашей свадьбы, мой день рождения и слово «Свободен». След краски ещё лип к пальцу.

Сергей. Его почерк. Узнаваемые вытянутые буквы, хотя краской они вышли криво. Он даже унижение превратил в пункт договора.

Я попыталась вспомнить план дома. Мы строили его вместе, я знала каждый кирпичик, каждую коммуникацию. Служебная дверь во двор была в дальнем конце подвала. Сергей мог запереть и её. Оставалось окно в цоколе, зарешеченное ржавчиной. Но... вентиляция. Старая система вытяжки над котельной, которая теперь служила кладовой для старых винных бутылок. Если я смогу подняться по полкам и пролезть через люк...

Пока я обдумывала маршрут побега, дверь снова скрипнула. Не открылась — просто щель расширилась, и в неё просочился свет из коридора над лестницей.

— Марина, ты там? — голос Сергея был спокойным, почти скупающим. Как будто он проверял, не заснул ли клиент в очереди. — Полиция будет через десять минут. Ты вторглась на частную территорию. Это статья.

Из тени справа, откуда-то из-за высокого шкафа с зимними вещами, вышла Ольга. Она не пряталась. Наоборот, она медленно прошла по лучу моего телефона, поправляя выбившуюся прядь волос. Её лицо было идеально: ни капли пота, ни следа смущения. Она остановилась в паре метров от меня, ближе, чем позволяли нормы приличия, но дальше, чем требовало бы уважение.

— Посмотри на себя, — сказала она тихо, и её голос звенел в тишине подвала, как хрусталь. — Ты вся дрожишь. Тебе холодно? Или тебе страшно?

Я сжала челюсти так, что свело скулы.

— Что вы делаете здесь? Где мои чертежи?

Ольга усмехнулась, показывая ровные белые зубы.

— Чертежи? Они нам больше не нужны. Сергей наконец-то стал собой. Без твоего контроля, без твоих вечных замечаний о том, что «эта линия кривая», «этот цвет не тот». Он свободен, Марина. И ты тоже могла бы быть, если бы перестала цепляться за прошлое.

Это был газлайтинг чистой воды. Она переворачивала реальность, делая меня виноватой в том, что я хотела сохранить имущество.

— Ты не имеешь права здесь находиться, — прошептала я, чувствуя, как внутри нарастает волна ярости, смешанная с паникой.

— Имею, — перебила она. — У меня есть ключи. У нас их много. Сергей любит делиться секретами с теми, кто ценит его по достоинству. А ты... ты просто менеджер его жизни. Менеджер, которого уволили.

Сверху, из дверного проёма, послышался короткий сигнал телефона. Я подняла глаза. Сергей стоял на лестнице, держа телефон горизонтально. Он снимал видео. Свет экрана отражался в его глазах, делая их пустыми, стеклянными.

— Уходи по-хорошему, Марин, — сказал он, даже не понижая тона. — Документы уже готовы. Раздел имущества, алименты... хотя детей нет, это плюс. Но репутация? Она стоит дорого. Если полиция увидит тебя здесь, они решат, что ты пришла грабить. А у нас тут дорогое вино. И старые книги. Ты понимаешь, о чём я?

Он намекал на финансовые махинации. На то, что я знаю меньше, чем ему хотелось бы.

— Ты думаешь, я испугаюсь? — спросила я, делая шаг назад, к полке с бутылками.

— Я думаю, ты устала, — ответил он. — Психика человека ломается быстрее, чем кажется. Посмотри на свои руки. Дрожат? Это нормально. Стресс.

Его слова били точно в цель. Я действительно чувствовала слабость в коленях. Голова кружилась от запаха плесени и чужого успеха. Мне нужно было понять, почему они здесь. Зачем оставлять дверь открытой? Чтобы создать видимость вторжения? Да. Но зачем блокировать выход? Чтобы я осталась в ловушке свидетеля их «свидания»? Нет. Лорд. Где собака?

Лай разорвал тишину. Громкий, истеричный лай Лорда. Нашего лабрадора, который должен был быть лоялен всем членам семьи.

— Тише, мальчик, — бросил Сергей сверху, но не двигался вниз.

Я выглянула из-за полки. Лорд сидел посреди подвала, прижав уши к голове. Он не смотрел на меня. Он не смотрел на Ольгу. Он смотрел в угол, за большой старый шкаф, где лежали мешки со строительным мусором. Пёс спустился через приоткрытую дверь и теперь дрожал всем телом, шерсть на холке встала дыбом. Инстинкт животного редко ошибается. Лорд боялся чего-то, что было скрыто во тьме. Или кого-то.

— Собака чувствует фальшь, — произнесла Ольга, подходя ближе ко мне. Она протянула руку, коснувшись моего плеча. Прикосновение было лёгким, почти нежным, но от него по моей спине пробежал холодный озноб. — Даже Лорд понимает, что ты здесь лишняя.

— Убери руки, — я резко отдернула плечо.

— Код был прост, как и ты сама, — шепнула она мне на ухо. Её дыхание пахло мятной жвачкой. — Дата вашей свадьбы. Ты сменила его перед разводом, да? Но ты забыла главное. Я знала старый код. И я знала, что новый будет связан с датой твоего рождения. Так что... мы были здесь, в подвале. Долго. Думаешь, твой сейф нас остановит?

Меня затошнило. Не от слов, а от осознания масштаба наглости. Она была здесь не ради любви. Она была здесь ради доступа. К сейфу. К черным книгам Сергея, которые хранились в доме, потому что риелтор боялся банковских проверок.

В этот момент мой телефон завибрировал. Один раз. Два. Десять. Экран осветился синеватым светом, освещая лицо Ольги гротескными тенями. Уведомления сыпались одно за другим: «Звонит Дмитрий Валентинович», «Сообщение от Лены», «Новый пост в Instagram: @Sergey_Realtor».

Сергей уже запустил кампанию. «Бывшая жена пытается ограбить дом, угрожает моей подруге». Заголовки были написаны кровью моей репутации.

Я посмотрела на экран. Палец завис над кнопкой «Отклонить все». Рука предательски тряслась. Внутри всё кричало: «Беги! Кричи! Плачь!» Но что-то другое, более тихое и жесткое, остановило меня. Если я заплачу сейчас, я проиграю навсегда. Если я начну оправдываться, я стану жертвой.

— Выключи звук, — приказала я себе вслух.

Игнорируя вибрацию, я отвернулась от них и посмотрела на стену, где было написано «Свободен». Мой взгляд скользнул ниже, туда, где тень от шкафа скрывала часть стены. Что-то блеснуло.

Не надпись. Царапина.

Я шагнула ближе, игнорируя предупреждающий рык Лорда. Телефон в руке дрожал, но луч света выхватил деталь, которую не мог увидеть человеческий глаз в сумерках. На бетонном полу, рядом с царапиной на стене, лежала тонкая резиновая перчатка. Белая, медицинская. И на ней — крошечное пятно желтоватого порошка.

Порошок был похож на реактив, с которым я сталкивалась при реставрации архивных планов. Но по пятну нельзя было узнать ни состав, ни то, что здесь делали.

Ольга не занималась сексом в этом подвале. Она вскрывала сейф. Сергей отвлекал внимание. А надпись «Свободен» — это не признание в чувствах. Это насмешка. Красная надпись могла быть частью спектакля. Может, они хотели, чтобы я увидела её, поверила в измену и ушла, пока они выносили содержимое сейфа. Но я вернулась за чертежами. И случайно стала свидетелем преступления.

— Что ты там копаешься? — голос Сергея стал резче. Он почувствовал изменение в атмосфере.

Сначала я сфотографировала перчатку на полу. Затем подцепила её чистым платком, завернула в него и спрятала во внутренний карман пальто, не снятого после прихода. Медленно. Чтобы не выдать себя.

— Ничего, — сказала я, поворачиваясь к ним. Моё сердце колотилось так сильно, что оно отдавалось в висках, но лицо оставалось каменным. — Просто ищу свой выход.

Ольга прищурилась, оценивая меня новым взглядом. Взглядом хищника, который заметил, что добыча начала огрызаться.

— Полицейские будут здесь через минуту, — сказал Сергей. — Они найдут тебя здесь. С этим беспорядком. С этими надписями.

— Пусть находят, — я улыбнулась. Это была не улыбка победы, а оскал зверя, загнанного в угол, но готового рвать глотки. — Может, им интересно узнать, почему в вашем подвале лежит медицинская перчатка со следом неизвестного порошка?

Тишина повисла густая, как масло. Лицо Ольги побледнело. Сергей замер на лестнице, пальцы на телефоне дрогнули.

— Ты врешь, — прошептала Ольга, но в её глазах мелькнул страх. Настоящий, животный страх.

— Проверьте сами, — я повернула к ним экран с фотографией перчатки на полу. — Или лучше, давайте дождемся полиции. Им будет интереснее, чем вам.

Сергей быстро спустился на две ступеньки, его деловая скука испарилась, сменившись холодной яростью.

— Ты хочешь войны, Марина?

— Я хочу правды, — ответила я. — А правда, похоже, находится в сейфе, который вы так упорно пытались открыть.

В этот момент раздался вой сирены. Ближе. Гораздо ближе.

Сергей схватил Ольгу за руку и потянул её вверх, к двери.

— Уходим. Сейчас же.

— А она? — спросила Ольга, глядя на меня.

— Пусть сидит. Пока они не пришли. Мы скажем, что она проникла сюда и начала истерику. Что она угрожала нам.

Они выбежали из подвала, захлопнув за собой внешнюю дверь на первом этаже. Снаружи слышались шаги, голоса полицейских, требующих впустить их.

Я осталась одна в темноте. Холод пробирал до костей, но внутри горел огонь. Я посмотрела на свои руки, дрожащие от холода и ярости, и впервые за восемь лет брака почувствовала не боль предательства, а азарт охотника. Они думали, что я плачу. А я считала.

Глава 3

Я поднялась из подвала на звонок домофона. Голоса у ворот стихли: по экрану было видно, как патрульная машина проехала дальше по улице. Сергей вернулся с крыльца довольный. «Объяснил, что ложный вызов», — бросил он Ольге. Меня патрульные даже не увидели. Он держал в руке мои автомобильные ключи: пока я была внизу, успел порыться в сумке, оставленной на тумбочке. В гостиной пахло духами Ольги, и от этого запаха снова мутило. Я чувствовала, как под коленями предательски слабеют мышцы, но заставила себя выпрямить спину. Это был мой дом — или, по крайней мере, он им был до того момента, пока Сергей не превратил его в декорацию для своего личного цирка уродов.

— Не смей выходить, — голос Сергея был низким, бархатым и абсолютно ледяным. Он стоял посреди прихожей, загораживая собой единственный путь к спасению. Его плечи казались мне сейчас шириной с горизонт событий, за который нет возврата. — Полиция уже едет. Место преступления покидать нельзя. Ты это знаешь, Марина? Или твоё образование архитектора настолько поверхностно, что ты не помнишь базовых правил поведения на следственных действиях?

Я сделала шаг вперед, пытаюсь просочиться мимо него, как вода сквозь трещину в плотине. Мой взгляд метнулся к его карману куртки. Там исчезли мои автомобильные ключи. Без машины я могла уйти пешком, но не могла быстро уехать из посёлка.

— Отдай ключи, Сергей. Сейчас же.

Он даже не шевельнулся. Только усмехнулся уголками рта, демонстрируя идеальные виныры, которые я оплачивала из своего бюджета на ремонт кухни.

— Зачем тебе машина? Чтобы скрыться? Чтобы потом кричать во всех соцсетях, что тебя преследуют? Нет, дорогая. Ключи нужны для опознания украденных чертежей. Если полиция увидит, что подозреваемая в краже интеллектуальной собственности пытается уехать на своем авто... ну, ты понимаешь, как это будет выглядеть в протоколе.

Он достал телефон и прижал его к уху, громко, чтобы я слышала каждый слог:

— Да, капитан Иванов? У меня ситуация. Жена вернулась, начала истерить, требует отдать ей документы, которые она якобы «забыла». Но мы-то знаем, что это кража. Она агрессивна. Очень. Приезжайте быстрее.

Мой пульс ударил в виски так сильно, что мир слегка качнулся. Он блефовал. Капитан Иванов был его клиентом по сделке с дачей, они играли в гольф каждую субботу. Но в данный момент у меня не было доказательств этого факта, а была только его уверенность и тишина дома, давящая на уши.

Злость поднялась в горле комком. Я рванула к нему, пытаюсь выхватить телефон из руки. Это было глупо, импульсивно, совсем не в моем стиле перфекциониста, контролирующего каждый сантиметр пространства. Но когда реальность искажают до неузнаваемости, контроль теряет смысл.

В этот момент рука Ольги, тонкая и холодная, как змея, впиалась мне в запястье.

— А-а-а! Она нападает! — визг был таким пронзительным, что у меня заложило уши. Ольга повалилась на пол, изображая жертву, которую чуть не растоптали. — Помогите! Она хочет меня убить!

Сергей схватил меня за освободившееся запястье. Выдернув руку, я отшатнулась назад, спиной уперевшись в стену с обоями цвета мокрого песка. Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума: любой физический контакт сейчас трактовался бы против меня. Он хотел крови на моих руках. Дословно.

Сергей тут же переключился. Экран телефона развернулся ко мне. Вспышка камеры ослепила на секунду.

— Марина, представься для протокола, — сказал он в объектив, и его голос мгновенно изменился. Исчезла ярость, появилась жалость, тихая, сочувственная интонация человека, который терпит больную жену. — Скажи свое полное имя. И адрес. Для записи.

Я смотрела в маленькое черное окошко камеры. Мое отражение было бледным, глаза красными от бессилия, волосы растрепаны. Он снимал меня. Сохранял этот момент унижения. Готовил материал для будущего суда над моей репутацией.

Я молчала. Смысл говорить слова, которые он все равно исказит, исчез. Внутри меня образовалась пустота, холодная и гладкая, как мраморный стол в нашей столовой. Я искала глазами свою сумку. Она лежала на тумбочке у порога. Рядом с паспортом, который я бросила там, когда зашла за забытыми чертежами. В ней были документы на новое бюро, которое я планировала открыть через месяц. Моя жизнь. Мои деньги. Мой выход.

Рядом с дверью в подвал сидел Лорд, наш лабрадор. Собака скулила, тихим, почти неразличимым звуком, который резал сердце сильнее любого крика. Он чувствовал напряжение, чувствовал ложь. Сергей сделал вид, что не слышит. Он продолжал водить пальцем по экрану телефона, имитируя набор номера, хотя я видела, что он просто листает ленту новостей.

Момент слабости. Пока он листает ленту, я могу схватить сумку.

Я скользнула вдоль стены, стараясь не дышать. Пальцы коснулись кожи ремня сумки. Холод металла пряжки обжег кончики пальцев. Удача была так близка, что можно было потрогать её кончиками ресниц.

Но Сергей повернул голову. Не резко, а медленно, как хищник, почувствовавший движение добычи.

— Не торопись, Марин, — прошептал он, делая два огромных шага и перехватывая сумку прежде, чем я успела поднять её. Он прижал её к своей груди, словно щит. — Ты думаешь, я не знаю, что там? Чертежи? Клиенты?

Он наклонился ближе, и запах его дорогого парфюма смешался с запахом чужого страха. Я вдыхала эту смесь, как химическую атаку.

— Если ты сейчас же не уйдешь тихо, без скандала, без попыток забрать свои вещички, я опубликую твои старые фото с клиентами. Те, где ты выглядишь... доступной. Где ты смеешься, облокотившись на плечо заказчика. Знаешь, как это читается в сети? Как приглашение к действию. Твоя карьера дизайнера интерьеров закончится завтра утром. А эта собака... — он кивнул на скулящего Лорда. — Я подам иск об угрозе жизни третьих лиц. Ты потеряешь всё. Абсолютно всё.

Гнев, который должен был вспыхнуть, замерз. Он сменился ледяным расчетом. Это было состояние, которое приходит после шока. Когда эмоции выгорают дотла, оставляя только пепел логики. Борьба за сумку сейчас означала драку. Драка означала синяки на его руке (он обязательно упадет, если я толкну). Синяки означали обвинение в домашнем насилии. А фото... Фото были его главным оружием. Старые снимки с презентаций, где я общалась с мужчинами-заказчиками профессионально, но крупный план, правильный ракурс и злой комментарий могли разрушить мою жизнь за час.

Я остановилась. Руки опустились вдоль тела. Лицо стало маской спокойствия. Я посмотрела ему прямо в глаза, не мигая.

— Хорошо, Сергей. Я ухожу.

Он улыбнулся. Торжествующе. Победно.

И тут раздался звонок домофона. Резкий, требовательный трезвон, который разрезал тишину, как скальпель.

Сергей вздрогнул. На долю секунды его маска хозяина положения треснула. Он быстро сунул сумку за спину, огляделся и схватил телефон.

— О боже, кто там? — он включил интерком, и его голос мгновенно приобрел тональность вежливого, немного озадаченного соседа. — Алло? Валентина Петровна? Что случилось?

Из динамика донесся хриплый голос соседки, которая жила через дорогу и всегда подглядывала в наши окна:

— Серый, ты чего шумишь? Мы с мужем слышим, как вы ругаетесь. Всё нормально?

Глава 4

Сергей открыл дверь настежь, выпуская поток свежего воздуха и света в темную прихожую. Он вышел на крыльцо, оставив меня внутри. Я видела, как он жестикулирует, показывая на дом, на «спокойную обстановку». Ольга, все еще сидящая на полу, начала тихо всхлипывать, создавая фон драмы.

Через минуту Сергей вернулся внутрь, захлопнув дверь. Он держал мою сумку в одной руке, а телефон в другой.

— Валентина Петровна сказала, что вызвала полицию сама, услышав шум. Они будут через пять минут. Так что, Марина, советую тебе сесть и ждать. Или... — он сделал паузу, наслаждаясь моим бессилием, — можешь попробовать выбежать через заднюю дверь в сад. Но там камера наблюдения нашего поселка. И запись тоже будет изъята. Выбериай.

Я поняла. Правда не имела значения. Значение имел только спектакль, который он отрепетировал. Он контролировал время, пространство и нарратив. Я была заложницей не в доме, а в его версии реальности.

Соппротивление здесь и сейчас было бессмысленным самоубийством. Нужно было отступить. Тактически. Сохранить лицо, но потерять битву. Чтобы выиграть войну позже.

Я медленно подошла к вешалке, поправила сбившийся воротник пальто. Движения были механическими, отточенными годами практики контроля над эмоциями. Я не смотрела на него. Не смотрела на Ольгу. Смотрела только на точку выхода.

Сергей посторонился, пропуская меня к двери, но не отдавая сумку. Он держал её как трофей.

— Прощай, Марина, — сказал он мягко, почти нежно. — Постарайся не нервничать. Стресс вредит карьере.

Я взяла паспорт с тумбочки и позвала Лорда. Он протиснулся мимо Сергея и прижался к моей ноге. Мы вышли на улицу.

Ветер бил в лицо, холодный и злой, путая волосы, застилая глаза. Ноги ступили на мокрый асфальт подъездной дорожки. Дом остался позади, темный, тяжелый, как гробница.

Я шла прочь, чувствуя, как дрожат колени, но заставляя себя идти ровно, не оглядываясь. Он забрал не только мою репутацию. Он забрал у меня право быть услышанной. Право говорить правду и верить, что кто-то прислушается.

Но в кармане моего пальто, который он не обыскал, потому что считал меня побежденной и лишенной ресурсов, лежал маленький металлический предмет. Флеш-накопитель. На нем был бэкап тех самых чертежей. И еще одна папка. Папка с переписками, которые я случайно сохранила на телефон три месяца назад, когда проверяла его облачное хранилище ради ремонта. Переписки с Ольгой. Датированные ещё до того, как мы заговорили о разводе.

Он думал, что победил. Он думал, что я ушла с пустыми руками.

Я остановилась у калитки, доставая телефон. Экран светился тускло в сумерках. Я написала одно сообщение человеку, которого никогда раньше не звала на помощь, но чье имя мелькало в новостях об экономических преступлениях в нашем районе. Виктору. Старшему следователю. Его рабочий номер когда-то дал мне заказчик, пострадавший от нечистой сделки; я сохранила контакт, но так и не позвонила.

«Я знаю код от сейфа», — набрала я, отправляя сообщение, и позволила себе улыбнуться, впервые за последние часы. Эта улыбка была похожа на оскал.

Обратный путь пришлось проделать на такси; за своими ключами я вернусь с адвокатом. И я знала, где искать доказательства.

Такси отвезло меня через весь город к временной студии — одной комнате, которую я сняла после развода. Лорд встретил меня у двери, приносясь к запаху чужого дома и моего страха.

Я сидела на полу в своей временной студии, прислонившись спиной к холодной батарее. Босиком. Холод проникал через тонкие джинсы, впивался в копчик, но я не чувствовала его. Я чувствовала только звон в ушах и тошноту от собственной беспомощности. Развод был подписан три дня назад. Дом остался Сергею. А я осталась с одним чемоданом, собакой, которая дрожала всем телом, и осознанием того, что меня просто выкинули из жизни, как старый хлам.

Телефон вибрировал в кармане, создавая ритмичный пульс, который совпадал с моим сердцебиением. Первый звонок — Лена. Моя лучшая подруга, моя свидетельница на свадьбе, женщина, которой я доверяла больше, чем себе самой. Мы вместе выбирали ткань для занавесок, вместе плакали над проектами, вместе смеялись до боли в животе.

— Аллю? — голос Лены звучал глухо, будто она говорила через плотную подушку.

— Лен, ты видела этот ролик? — спросила я, стараясь говорить ровно, хотя горло перехватывало спазм. — Там все перевернуто. Сергей начал первым. Он орал. Я вообще не била посуду, этот грохот наложен на запись...

— Маринка, тише. — Она перебила меня резко. — Я видела видео. Ты там выглядишь... истерично. Сумасшедшей. Люди уже обсуждают. Если я сейчас встану на твою сторону, меня тоже засмеют. Я боюсь ассоциаций.

— Боишься? — Слово «боюсь» повисло в воздухе, тяжелое и липкое, как паутина. — Мы двадцать лет дружим, Лена. И ты боишься чужих комментариев?

— Извини. Мне нужно идти. Не звони мне пока.

Гудки. Резкие, короткие. Потом экран погас. Я посмотрела на номер в списке контактов. Следующее сообщение Лене осталось с одной серой галочкой. Возможно, она уже заблокировала меня.

Мой социальный капитал испарился за одиннадцать секунд. Доверие было разрушено мгновенно, без права апелляции. Я поняла, что мир вокруг меня стал галереей предателей, где каждый смотрит на меня сквозь стекло аквариума, ожидая, когда я начну задыхаться.

Руки тряслись, когда я открыла почту. Нужно было спасти работу. Проект ЖК «Аврора», крупный застройщик, полгода моих бессонных ночей, чертежей, правок. Это была моя профессиональная идентичность, мой щит. Я написала письмо руководителю проекта, Дмитрию Валентиновичу. Просила приостановить публичную огласку скандала, дать время разобраться. Написала сухо, по делу, избегая эмоций.

Ответ пришел через две минуты. Автоматическое уведомление о расторжении договора. Тема письма: «Репутационные риски». В теле сообщения, которое явно набрал живой человек, а не робот, была приписка менеджера: «Мы не работаем с людьми, которые устраивают дебоши в частных домах. Ваши услуги нам больше не требуются».

Удар по кошельку и удар по самолюбию слились в один острый нож. Я потеряла не только деньги. Я потеряла статус эксперта. Теперь я была просто «той сумасшедшей женой риелтора». Которая дерется за пустые квартиры.

Отбросив телефон, я рванулась к ноутбуку. Нужно было найти оригинал видео. Сергей выложил его в свои соцсети, но я знала, что он монтировал запись в приложении на телефоне. Может быть, черновик остался в облаке? Или кто-то выложил исходник?

Глава 5

Поисковая строка горела красным. Алгоритмы были против меня. Первая ссылка — пост Сергея: «Спасибо всем, кто поддержал меня в трудную минуту. Семья — это святое, даже если один из членов ведет себя деструктивно». Под постом — тысячи лайков. Комментарии ползли лавиной: «Бедный Серёжа», «Истерички всегда такие», «Женщины, берите пример с него».

Второй результат — смонтированный ролик. Там не было видно, как он хватается за запястье. Не было слышно, как он шипит: «Ты никто без меня». Была только картинка: я стою посреди гостиной, размахиваю руками, лицо искажено яростью, глаза влажные. Звук был заглушен музыкальным треком из TikTok. Правда утонула в цифровом шуме. Технологическая ловушка захлопнулась. Никому не нужна правда, если есть красивый контент.

Звонок в дверь вырвал меня из транса. Сердце заколотилось так, что стало больно под ребрами. Курьер? Юрист? Кто-то, кто наконец скажет, что это ошибка?

Я приоткрыла дверь, не снимая цепочки. Парень в куртке протянул небольшую картонную коробку.

— Подпишите.

Сняв цепочку, я забрала коробку и расписалась дрожащей рукой. Закрывает дверь. Выдохнула. Внутри лежал планшет. Но не новый. Старый, с трещиной на экране. И распечатанные скриншоты.

Это были распечатки, похожие на переписки Ольги и Сергея. На моей флешке хранились другие обрывки, старые. Здесь обсуждался сам спектакль в подвале. Настоящие сообщения или ещё одна подделка?

«Она дура, верит каждому слову. Код от сейфа она сменила, но мы возьмем ее на слабо.»

«Главное — сломать ей психику. Тогда она сама отдаст ключи и документы. Пусть воет в интернете, никто не поверит.»

«Марина — слабое звено. Убери её с пути, и бизнес наш.»

Под бумагами лежала записка, написанная печатными буквами маркером: «Ты даже не знаешь, кто мы такие на самом деле. Счастливого оставаться в аду».

Отправителя не было. Прокси-сервис, анонимный адрес. Подлинность ещё нужно проверить. Но как угроза эта посылка работала безупречно. Это сообщение: «Мы следим за тобой. Мы знаем, где ты живешь. Ты не защищена нигде».

Страх холодными пальцами сжал горло. Абстрактный хейт превратился в личное преследование. Я была мишенью в собственном доме, который арендовала на месяц.

Лорд поднялся, скуля. Он чувствовал мой ужас, запах моего пота. Пес царапал дверь балкона, требуя выхода.

— Тихо, Лорд, тихо! — прошипела я, пытаюсь обнять его, но он вырывался, дрожа мелкой дрожью.

Я вышла на балкон. Ночной воздух пах мокрым асфальтом и бензином. Город внизу жил своей жизнью, равнодушной и шумной. Снизу, из окна первого этажа, слышался стук по трубе отопления. Громкий, металлический.

— Тихе! Собака ваша воет всю ночь! — крикнул мужчина снизу. — У нас дети спят!

— Извините! — крикнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Стеснение. Позор. Даже физическое пространство стало враждебным.

Я попыталась включить музыку в колонке, чтобы заглушить вой собаки и голоса соседей. Но телефон снова завибрировал. Экран осветился. 50 новых уведомлений.

Сергей опубликовал фото с цветами. Подпись: «Любовь побеждает злобу. Спасибо Ольге за поддержку».

Комментарии взорвались. Люди ставили сердечки. Они аплодировали палачу. Изоляция стала полной. Меня не просто отвергли. Меня сделали врагом народа, монстром, которого нужно бояться.

Звонил мамин номер. Я взяла трубку, прижав аппарат к уху так сильно, что кожа заныла.

— Мам, ты видела? — спросила я, надеясь услышать хоть слово поддержки. Хоть «ты не виновата».

Мама плакала. Тихо, в трубку, всхлипывая.

— Маринка, тетя Галя звонила. Спрашивает, почему ты ведешь себя как шлюха. Почему ты орала на мужа. Вся семья знает. Нам стыдно. Дедушка заболел от нервов.

— Мам, он изменял. Он планировал ограбить нас...

— Просто извинись! — вскрикнула мама. — Напиши пост. Скажи, что ты ошиблась, что ты была не в себе. Попроси прощения у Сережи. Он же твой муж был. Все уладится. Вернешься домой.

Домой? В клетку? В ад?

— Ты хочешь, чтобы я признала себя виноватой? Чтобы они победили?

— Я хочу, чтобы тебя перестали позорить! — рыдала мама. — Ты моя дочь, и ты меня убиваешь своим скандалом!

Она положила трубку.

Предательство со стороны самого близкого человека было самым сильным ударом. Оказалось, меня любят условно. Только если я удобна. Только если я молчу и глотаю унижение ради сохранения лица перед местной элитой. Я была одна. Абсолютно, кристально одна.

Я вернулась в комнату. Села за стол. Ноутбук светился тусклым синим светом. Пальцы зависли над клавиатурой. Я хотела написать ответ. Огромный, подробный пост. С чеками, с датами, с расшифровкой их разговоров. Я хотела вылить на них весь свой гнев, всю свою боль.

Но я увидела, как в реальном времени счетчик подписчиков моей страницы падает. Минус пять. Минус десять. Люди отписываются. Мой текст не будет прочитан. Алгоритм уже пометил мой аккаунт как «токсичный». Борьба за правду в цифровом поле была бессмысленной игрой в одни ворота.

Хейт — это не приговор. Это отвлекающий маневр. Пока они смотрят на мою «истеричность», пока мои друзья блокируют меня, а мама требует капитуляции, Сергей спокойно переводит активы. Он выводит деньги. Он готовит почву для нового бизнеса. Ему не нужно, чтобы я оправдывалась. Ему нужно, чтобы я исчезла.

Я удалила черновик поста. Щелчок мыши прозвучал как выстрел.

Эмоции схлопнулись внутрь, оставив после себя ледяную пустоту. Слезы высохли, не успев упасть. Я открыла Excel. Чистый лист. Я начала восстанавливать финансовые потоки нашего общего бизнеса по памяти. По архивам почты, которые я сохранила еще до развода, интуитивно чувствуя подвох.

Дата. Сумма. Назначение платежа.

Первая транзакция, которую я нашла, была странной. Оплата за «консультационные услуги» фирме-однодневке, зарегистрированной на имя матери Ольги. Сумма — двести тысяч долларов. За неделю до нашего развода.

Вторая транзакция — покупка оборудования для строительного объекта, который официально числился убыточным. При этом в сохранённых актах проходили крупные поступления за якобы выполненные работы. Я вынесла обе суммы в соседние колонки: требовалось проверить, куда уходила разница.

Я не плакала. Я считала цифры. Мои руки перестали дрожать. Голова стала яснее, чем за последние годы. Это было начало войны, где оружием были не слова, а бухгалтерские проводки. Где месть — это не крик в интернет, а тихий, точный удар в казначейскую ячейку врага.

В темном стекле окна отражались экран ноутбука и моё лицо над таблицей. Я улыбнулась. Горько, холодно, но впервые за трое суток искренне. Сергей думал, что сломал меня. Он ошибался. Он только сделал меня опасной.

Глава 6

После анонимной посылки оставаться в городской студии я не смогла. Сняла домик в соседней части того же посёлка: здесь были мастерская, гараж и место для Лорда. Аренду студии я оплатила до конца месяца; там остались станки и образцы. Адвокат забрал у Сергея мою сумку и автомобильные ключи, поэтому хотя бы машина снова была у меня.

Дождь хлестал по крыше арендованного домика, создавая иллюзию белого шума, от которого звенело в ушах. Я стояла перед входной дверью, сжимая в потных пальцах ключ, который агент передал мне три часа назад. «Все чисто, Марина, заезжайте», — писал он в мессенджере. Но замок не поддавался. Ключ крутился в скважине, как мертвый металл, а ручка проворачивалась вхолостую. Внутри было темно и тихо. Слишком тихо для пустого дома.

Я постучала. Громко, ритмично, надеясь, что кто-то услышит. Никто. Телефон агента был недоступен. В горле встал ком из страха: я снова была загнанной зверюшкой, которую вышвырнули из логова, но забыли закрыть за собой клетку. Спина прилипала к мокрой куртке, холод проникал под кожу, пробирая до костей. Я оглянулась на темную улицу поселка. Камеры? Окна соседних домов, затянутые шторами, смотрели на меня как слепые глаза. Ощущение слежки стало физическим давлением на затылок.

— Не бейтесь зря. Механизм заклинило изнутри, или его заблокировали специально.

Голос был низким, бархатным, но с металлическим отливом. Я резко обернулась. У забора, отделяющего мой участок от соседнего, стоял мужчина. Высокий, в дорогой, но практичной черной куртке с высоким воротником. Лицо скрыто тенью капюшона, но я видела блеск глаз — спокойных, внимательных, не выражающих ни капли сочувствия. Он не спрашивал «что случилось» или «кто вы». Он просто подошел ближе, доставая из кармана плоскую металлическую пластину.

— Вы... вы кто? — мой голос сорвался на визг, который я тут же подавила кашлем. Гордость архитектора требовала держать марку, даже если этот самый архитектор сейчас выглядела как бомж.

Он проигнорировал вопрос. Присел на корточки у двери, засунул инструмент в щель между полотном и косяком. Движения были точными, экономичными. Никакой паники, никакого лишнего слова. Щелчок. Дверь открылась.

— Заходите, — сказал он, не поднимая головы. Это был приказ, замаскированный под приглашение.

Я замерла на пороге. Инстинкт кричал бежать обратно под дождь, в свою машину, где хоть и пахло потом и страхом, но пространство было моим. А здесь — чужой человек, знающий, как открывать замки без ключа. И почему-то уверенный, что я должна войти.

— Я хозяйка... то есть, я здесь живу временно, — пробормотала я оправдание, которое звучало жалко даже для моих собственных ушей.

Мужчина выпрямился. Теперь я увидела его лицо полностью. Квадратная челюсть, глубокие тени под скулами, серые глаза, которые сканировали меня так, будто я была объектом на экспертизе.

— Внутри сухо. И безопасно, — произнес он. Его тон не допускал возражений. Он сделал шаг внутрь, жестом руки указывая на светлую прихожую.

Я переступила порог, чувствуя себя предательницей собственного пространства. Дом был чистым. Пахло свежемолотым кофе, деревом и чем-то еще — острым, канцелярским. На кухонном столе лежали распечатки кадастровых планов нашего посёлка и чертежи именно этого участка. На них — записка агента: «Сосед помог проверить дом перед сдачей. Замок требует замены». Помог — и даже не предупредил меня? Кто-то изучал топографию. Кто-то ждал меня.

Сердце пропустило удар. Шпион Сергея? Новый уровень унижения? Если он работает на бывшего мужа, то это ловушка внутри ловушки.

— Сергей любит ставить камеры там, где их нет, — вдруг сказал мужчина, заметив мой взгляд на чертежах. Он говорил ровно, не повышая тона, но каждое слово ложилось в воздух тяжелым камнем. — Я поставил свои там, где они есть. Чтобы видеть правду, а не ту картинку, которую вам показывают.

Я медленно повернула голову к нему. Он стоял у окна, глядя на темный сад. Спина прямая, напряженная.

— Вы знаете о Сергее? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— Знаю больше, чем вы думаете. Чай будет? Или кофе? Здесь есть оба.

— Объясните, кто вы и почему вы здесь, — потребовала я, игнорируя предложение напитка. Страх сменился яростью. Я устала быть жертвой обстоятельств. Мне нужна была опора, но не ценой потери контроля над ситуацией.

Мужчина отвернулся от окна. Его взгляд скользнул по мне, оценивающе, холодно.

— Меня зовут Виктор Дроздов. Вы написали мне про сейф, помните? Агент попросил посмотреть дом перед вашим приездом; я живу через забор. Официально я веду проверку сделок агентства Сергея. И пока вы не успокоитесь и не сядете, я не буду отвечать на вопросы. У вас истерика, Марина. Вы дрожите. Это мешает мышлению.

Его спокойствие бесило сильнее, чем крики Сергея. Он использовал метод «холодного душа», погружая мои эмоции в ледяную воду рациональности. Я хотела уйти, хлопнуть дверью, доказать, что я не нуждаюсь в няньке. Но идти было некуда. Возвращаться в холодную машину не хотелось, в телефоне оставалось несколько процентов заряда, а ночь только начиналась.

Я села на стул у стола, обхватив руками колени. Холод дерева проникал сквозь ткань джинсов, возвращая меня в реальность.

— Расскажите, что произошло в подвале, — сказал Виктор, наливая себе воды из графина. Он не предложил мне стакан. Дистанция власти сохранялась.

— Сергей записал на видео, будто я пришла грабить дом после развода. Что я пыталась вскрыть сейф. Ольга подтвердила. Они сказали, что я истеричка, которая не может принять факта измены и теперь мстит.

Виктор слушал молча, постукивая пальцами по столу. Когда я закончила, он задал один короткий вопрос:

— Вы меняли код от сейфа в день развода?

Я вздрогнула. Откуда он знает про сейф? Про смену кода я говорила только с юристом. Виктору отправила лишь короткое сообщение: «Я знаю код от сейфа».

— Да, — ответила я осторожно. — За час до того, как мы подписали документы.

— Тогда зачем ему нужен был доступ к сейфу, если он хотел выставить вас воровкой? — Виктор посмотрел на меня прямо. — Логически это противоречиво. Если бы он хотел украсть, он бы сделал это раньше. Если он хотел вас подставить, он должен был знать, что сейф пуст или закрыт. Но он привел Ольгу в момент, когда вы были внутри. Это спектакль. Плохо срежиссированный, но направленный на конкретную аудиторию: полицию и ваших общих знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.